

Поэтические страницы

М.В. Ломоносов: «Устами движет Бог...»

*В безмерном углубя пространстве разум свой,
Из мысли ходим в мысль, из света в свет иной.
Везде божественну премудрость почитаем,
В благоговении весь дух свой погружаем...*

М.В. Ломоносов

Жизнь человеческая уместена между двумя датами: днем рождения и днем смерти. Михаил Васильевич Ломоносов родился 8 ноября 1711 г. и умер 4 апреля 1765 г. Пятьдесят четыре года – мгновение в жизни Вселенной, такое краткое, что можно и не заметить его! Но дела Ломоносова, то, что он принес в дар России, всему миру за это время, отметили его жизнь знаком Бессмертия.

Ломоносов родился на русском Севере, в деревне Денисовка Холмогорского уезда Архангельской губернии. Эти места не испытали монголо-татарского ига, их в меньшей степени, чем срединную Россию, затронуло влияние крепостничества. Чувство собственного достоинства, жадное любопытство к миру, свободолюбие – вот те качества, которые отличали северян. Стремление к «самостоянью», к независимости духа было с детства присуще и буду-

щему ученому. Эта особенность была семейной чертой рода Ломоносовых. Отец, Василий Дорофеевич, первым из жителей Северодвинского края «состроил» и по-европейски оснастил галиот, на котором ходил вместе с сыном по Белому морю и Северному Ледовитому океану. Родственник М.В. Ломоносова, Никита, служивший в Архангельской портовой таможне, ездил в «парадиз» царя-преобразователя – Петербург, чтобы своими глазами взглянуть на дела Петра Великого. Возможно, именно пример Петра, осознавшего пользу знаний, необходимость развития науки для всего государства, повлиял на судьбу будущего ученого. Вопреки расхожим сведениям, по мнению М.К. Любавского Ломоносов отправился в Москву все же «не тайно, а с ведома и благословения родных и близких людей»¹.

Поступив в 1730 году в Московскую славяно-греко-латинскую академию, он прошел за три года программу шести лет и перешел в философский класс. В это время Михаил Васильевич едва не стал священником, вызвавшись поехать вместе с И.К. Кирилловым в экспедицию на Урал. Кириллов должен был основать на реке Ори город (впоследствии – Оренбург) и способствовать обращению в христианство местного населения. Однако Ломоносову суждено было иное поприще. В академии стали известны сведения о крестьянском происхождении будущего ученого, который при поступлении в академию схитрил – назвался дворянским сыном, а затем, перед экспедицией, указал, что отец его – «церкви Введения Пресвятыя Богородицы поп Василий Дорофеев». Правда, как водится, вышла на поверхность, и присоединиться к Кириллову Ломоносов теперь не имел права. За такие «военные хитрости» талантливого воспитанника, далеко превосходившего всех соучеников, оставили в академии только благодаря заступничеству Феофана Прокоповича, выдающегося просветителя своего времени, духовного сподвижника Петра Первого. В 1734 году будущий ученый был направлен в Киевскую духовную

академию, в 1735–м – в Петербург, а годом позже – в Германию.

В Марбурге научным наставником Ломоносова стал Христиан Вольф, знаменитый математик, физик, философ, унаследовавший многие принципы учения Лейбница. Именно он помог своему воспитаннику окончательно осознать себя как ученого. В Германии Ломоносов изучал философию, математику, физику, химию, горнорудное дело, иностранные языки, отдал много времени знакомству с западной и отечественной теорией литературы, искусства, сам рисовал. Из России он привез с собой «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определением до сего надлежащих званий» В.К. Третьяковского. Изучив его, а также труды Опица, Флеминга и Гюнтера, молодой Ломоносов создал «Письмо о правилах русского стихотворства» и в 1739 году послал его в Петербург вместе с «Одой на взятие Хотина...». «Письмо...» открыло собой новую эпоху в русской теории литературы. «Ода...» явилась образцом для создания стихотворений этого жанра.

Тема судьбы Отечества стала главной для Ломоносова, творившего на благо могущественной России как ученый, художник, поэт. Ода – всегда высокое воспевание, и композицию ее должно было определять парение Духа поэта-творца. Вот почему уже первое «высокое» стихотворение начинается с «громкого приступа», способного передать то состояние восторга, которое и делает возможным «парение» мысли, позволяя охватить всю Вселенную: «Восторг внезапный ум пленил...»²

Поэт становится фигурой вселенского масштаба, уподобляется божеству, чье могущество несравнимо с силами обыкновенного смертного, – тот не сумел бы с помощью такого скромного инструмента, как слово, описать грандиозную картину, открывающуюся его мысленному взору. Но стихотворец на миг становится Творцом, и его перо создает словесный рисунок удивительной красоты и живости.

Ломоносов стремится к созданию необыкновенно емких образов и поэтому

¹ Любавский М.К. XVIII век и Ломоносов. М., 1912. С. 9.

² Ломоносов М.В. Ода на взятие Хотина / В кн.: Ломоносов М.В. Сочинения. М., 1957. С. 9.

часто использует *тропы* – художественные приемы, основанные на системе ассоциаций. Они становятся средством включения в текст авторского начала, свидетельством торжества вдохновенной лирической мысли поэта. Стихо-Творец создает особый поэтический мир, в котором царит гармония, для которого характерны взаимозаменяемость и взаимопроникновение друг в друга разных «вещей»; это образ не быта, но Бытия, заключенного в слове. И, раскрывая тайну слова в различных его связях, поэт открывает, прорицает и тайны мироздания.

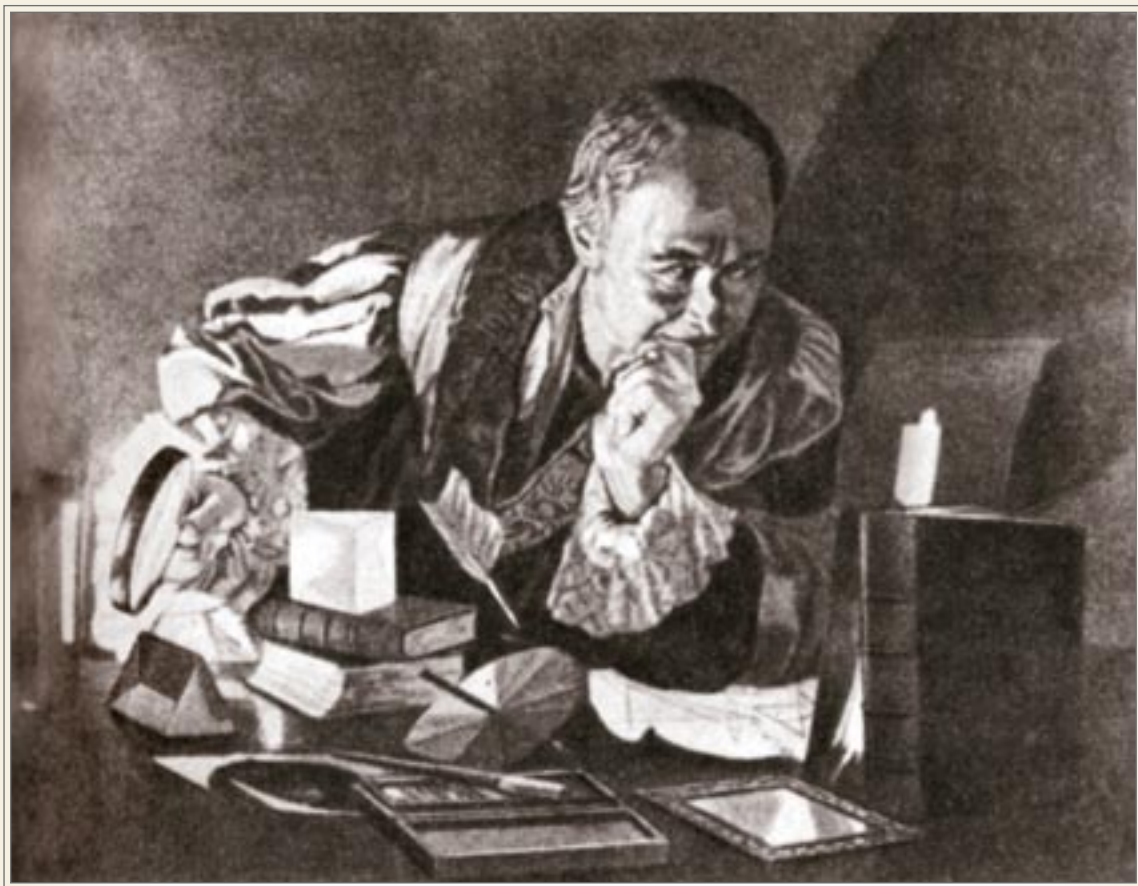
Несмотря на «лирический беспорядок», вызванный обращением внутреннего взора автора то к картинам битв, то к видам Этно и ада, то к небесным высотам, открывшим земле лики Героев, ода оказывается единой в композиционном отношении. В начальной части – «приступе» поэт повествует о замысле воспеть великое для Российской империи событие, свершившееся в стране, «где всходит день по темной ночи». Далее, в «изложении», он рассказывает о кровопролитной битве и сообщает о победе русских войск. В «заключении» поэт говорит о цели, с какой была начата война, – это была единственная возможность прекратить набеги орд татар и турок. Построение оды следует структуре силлогизма («посылка», «доказательство», «вывод»). Таким образом, поэтическое произведение для Ломоносова оказывается полем деятельности логически мыслящего разума. Но поэт в оде выступает в роли Хранителя высшей, беспристрастной, объективной, вечной Истины, которую он способен провидеть в момент вдохновения. Следовательно, поэт-творец руководится не *рассудочным умом*, а *одухотво-*

Титульный лист собрания сочинений Ломоносова, изданного Московским университетом. 1757

ренным разумом, который есть «совокупность духовных сил». Это обуславливает появление и «высокого» слога, и ямба – «торжественного» размера, передающего величественную поступь Времени и полет мысли стихотворца, который стремится охватить в воображении всю Вселенную.

Еще больше присутствие личности поэта ощущается в переложениях псалмов – так называемых «парафрастических одах». В духовной оде два героя: человек и Бог. Первый, измученный «тяжкими бедствиями», обращает с надеждой внутренний взор к Божеству и просит дать силы и терпения, чтобы нести свой крест и не потерять веры. Зиждитель – единственное вечное и истинное начало во Вселенной, «спаситель и свет» для рода человеческого, великий Архитектор Универсума. Именно он основал систему

Ломоносов за изучением природы цветов. Линогравюра Н.Г. Наговицина. 1958

мироздания на фундаменте разумной гармонии, которая очевидно присутствует в Природе.

«Но мир разумных существ далеко еще не управляется с таким совершенством, как мир физический...»³ – писал Шарль Монтескье. Разумная организация, которая так привлекала Ломоносова в Природе, не всегда бывает свойственна человеческому обществу – личность не может обрести душевный покой, радость, счастье. Отсюда следует необходимое обращение к Вечному началу, воплощенному в Боге, поиск истины за пределами общества себе подобных. Всевышний становится Высшим Судией, творящим свой праведный суд по неизменным законам справедливости. И если у человека есть в душе это светлое, неподкупное, неизменное начало, то он способен выстоять в любое «смутное время».

*Во злобе плоть мою пожрать
Противны устремились...
Хоть полк против меня восстань;
Но я не ужасаюсь,
Пускай враги воздвигнут брань;
На Бога полагаюсь⁴.*

Такое обращение очень искренне; сердце говорит в нем:

*Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницей покрывай
От клеветаний ложных⁵.*

Немаловажно, что поэт выбрал слово «душам»: в нем отразился страх духовного рабства – черта истинного интеллигента, так как стремление к свободе духа всегда было основополагающей чертой людей этого типа.

³ Монтескье Шарль. Избранные произведения. М., 1955. С. 164.

⁴ Ломоносов М.В. Преложение псалма 26 / Ломоносов М.В. Сочинения. С. 93.

⁵ Там же.

Ломоносов переводит «Оду, выбранную из Иова, главы 38, 39, 40 и 41». Как известно, Творец в оде советует человеку «представить зиждителю власть», разнообразие ее проявлений в мире Натуры. Но это разнообразие оказывается свойственно не абстрактной, вымышленной Природе, а реально существующей, близкой и понятной автору и читателю. И совет «постигать власть Всемогущего» – это просветительское в своей основе указание подниматься к «свету», ясности, «просвещать» ум знанием, творить в воображении грандиозные картины Вселенной, прославляющей Разум Зиждителя. Такая цель достойна поэта, ученого, философа в одном лице, ибо только одухотворенная творческая мысль может постигнуть красоту Мироздания, созданного по разумным законам Божества, превращающего хаос в систему, гармонию.

Какой же смысл вкладывал Ломоносов в понятие БОГ? Какая картина мироздания открывалась внутреннему взору поэта и ученого? Чья философская доктрина повлияла на его представление о мире и оставила след в его творчестве, особенно поэтическом?

Трудно говорить о приверженности ученого какой-либо определенной философской системе: «Ломоносову по необъятности его интересов принадлежит одно из самых видных мест в культурной истории человечества. Даже Леонардо да Винчи, Лейбниц, Франклин и Гете более специальные и сосредоточены»⁶. Большое влияние на Ломоносова оказало деистическое учение Лейбница-Вольфа.

Один из основных вопросов ломоносовской лирики – это соотношение границ творческой активности Бога и созидательной силы человека. Поэт утверждает, что Творец вызвал к жизни, «построил» мир по законам гармонии и каждому существу определил, указал его место в безгранично сложной совокупности мировых связей:

*...Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет...
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?...*

В «Письме о пользе Стекла» Ломоносов утверждает способность человеческого разума «постигать премудрости мира»: «...В благословенный наш и просвещенный век / Чего не мог дойти по оным (законам Творца. – И.А.) человек?...»

Нужно изучать жизнь во всех ее проявлениях, всячески развивать свою личность, ибо чем выше духовный потенциал и чем ярче он проявился, тем более объективной и полной окажется та картина Универсума, которая создалась в уме человека. Это было очень важно для Ломоносова, давало ему весомый довод в пользу науки в борьбе с церковными догматиками.

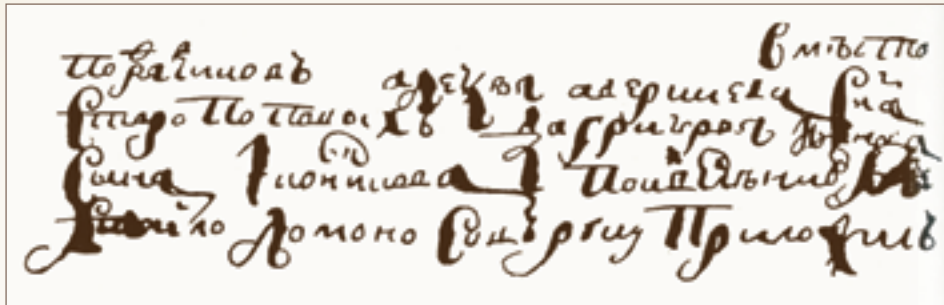
Перед ним открылись и новые возможности в области поэзии. Он создает оды «духовные» – два «Размышления о Божием величестве...». Интересно уже само название стихотворений – «Утреннее», «Вечернее размышление... при случае великого северного сияния». Оно предполагает непосредственный контакт с природой, живое ощущение бытия. Самый текст также дает свидетельство прямого восприятия природных явлений:

*Мой дух с веселием внемли
Чудяся ясным толь лучам,
Представь, каков Зиждитель сам!*

Одновременно появляется философская мысль о Боге-Творце, и о Вселенной, которой он дал свои законы бытия, и о возможности «ученой» мысли открывать эти законы. Единство непосредственного наблюдения за Природой и философского осмысления ее законов в стихотворениях доказывает, что Ломоносов предложил русскому читателю XVIII века новую жанрово-тематическую разновидность поэзии – медитативную лирику (от лат. *meditatio* – углубленное и целенаправленное размышление). Но у Ломоносова эта лирика получает особую окраску благодаря введению в текст научных мотивов. Ученый выдвинул гипотезу об «огненной природе» солнца, предвосхитившую научные теории XX века, и разделял предполо-

⁶ Вавилов С.И. Михаил Васильевич Ломоносов. М., 1961. С. 65.

⁷ Ломоносов М.В. Утреннее размышление о Божием величестве / В кн.: Ломоносов М.В. Сочинения. С. 106.

Образец почерка 14-летнего Ломоносова

жение Фонтенеля о существовании множества населенных миров.

Интересно, что в «Размышлениях...» практически не встречается научная лексика, особенно термины, которые были бы неизвестны читателю. А такие исключения, как «зенит», «эфир», были знакомы, понятны. Следовательно, Ломоносов в «Размышлениях...» не науку на Парнас вознес, а «парящим» разумом, одухотворенным знанием попытался охватить «единым взором» мироздание... Н.В. Гоголь писал, что в произведениях Ломоносова «слышен взгляд скорее ученого-натуралиста, нежели поэта, но чистосердечная сила восторга превратила натуралиста в поэта»⁸. Ломоносов именно восторженно воспринимал науку и научную деятельность, это было для него главным делом всей жизни, его путеводной звездой. Вот почему к плодам деятельности вдохновенного разума он относился с большой серьезностью, уважением. Натурфилософ постигал закономерности мироздания в опыте; поэт прорицал, провидел законы мироздания, мысленно творил свою Вселенную – по законам предустановлен-

ной гармонии, когда каждому существу, вещи, событию находится свое место в великой системе. В этой связи Поэт оказывается ближе, чем ученый, к Творцу, так как он «строит» мир, подобно Зиждителю:

Устами движет Бог; я с ним начну
вещать,
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою⁹.

Марина Цветаева писала, что для «великого и высокого» поэта искусство – «всегда средство». «Он сам – средство в чьих-то руках. По существу, вся работа поэта сводится к исполнению духовного (не собственного) задания...»¹⁰ Подобное понимание поэзии как «предстояния» существует у Блока: надо писать стихи «как бы перед Богом»¹¹. Это делает явственной ту связь, ту нить, которая незримо протянулась через века между Поэтами. Михаил Васильевич Ломоносов, великий ученый, поэт, философ всегда творил «перед Богом» и тем обрел путь в Вечность.

И.Б. Александрова

⁸ Гоголь Н.В. Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М., 1952. С. 112.

⁹ Ломоносов М.В. Устами движет Бог / В кн.: Ломоносов М.В., Державин Г.Р. Избранное. М., 1984. С. 92.

¹⁰ Цветаева М. Попытка иерархии / В кн.: Цветаева М.И. Об искусстве. М., 1991. С. 86–87.

¹¹ Цит. по: Труды по русской и славянской филологии. XI / В кн.: Уч. записки Тартуского гос. ун-та. Вып. 209. Тарту, 1968. С. 259–260.

Михаил Ломоносов

М.В. Ломоносов

Стихотворения и оды

Устами движет бог; я с ним начну вещать.
Я тайности свои и небеса отверзу,
Свидения ума священного открою.
Я дело стану петь, несведомое прежним!
Ходить превыше звезд влечет меня охота,
И облаком нестись, презрев земную низкость.

1747

Преложение псалма 26

Господь спаситель мне и свет:
Кого я убоюсь?
Господь сам жизнь мою блюдет:
Кого я утрашуся?
Во злобе плоть мою пожрать
Противны устремились;
Но злой совет хотя начать,
Упадши, сокрушились.
Хоть полк против меня восстань:
Но я не ужасаюсь.
Пускай враги воздвигнут брань:
На Бога полагаюсь.
Я только от Творца прошу,
Чтоб в храм его вселиться;
И больше в свете не ищу,
Как в оном веселиться.
В селении своем покрыл
Меня он в день печали,
И неподвижно укрепил,
Как злые окружали.
Возвысил он мою главу
Над всех врагов ужасных;
Я, жертву принося, зову
Ему в псалмах согласных.

Услыши, Господи, мой глас,
Когда к тебе взываю,
И сохрани на всякой час:
К тебе я прибегаю.
Ко свету твоего лица
Вперяю взор душевный
И от всецедрого Творца
Приемлю луч вседневный.
От грешного меня раба,
Творец, не отвратися;
Да взыдет пред тебя мольба,
И в гневе укротися.
Меня оставил мой отец
И мать еще в младенстве;
Но восприял меня Творец
И дал жить в благоденстве.
Настави, Господи, на путь
Святым твоим законом,
Чтоб враг не мог поколебнуть
Крепящегося в оном.
Меня в сей жизни не отдай
Душам людей безбожных,
Твоей десницей покрывай
От клеветаний ложных.
Я чаю видеть на земли
Всевышнего щедроты
И не лишиться николи
Владычния доброты.
Ты, сердце, духом укрепись,
О Господе мужайся,
И бедствием не колеблись,
На Бога полагайся.

Между 1743 и началом 1751

*Ода на день восшествия
на престол <...> императрицы
Елисаветы*

Царей и царств земных отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство сел, градов ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокруг тебя цветы пестреют
И класы на полях желтеют;
Сокровищ полны корабли
Держают в море за тобою;
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

Великое светило миру,
Блистая с вечной высоты
На бисер, злато и порфиру,
На все земные красоты,
Во все страны свой взор возводит,
Но краше в свете не находит
Елисаветы и тебя.
Ты кроме той всего превыше;
Душа ее зефира тише,
И зрак прекраснее рая.

Когда на трон она вступила,
Как вышний подал ей венец,
Тебя в Россию возвратила,
Войне поставила конец;
Тебя прияв обლობызала:
Мне полно тех побед, сказала,
Для коих крови льется ток.
Я россов счастьем услаждаюсь,
Я их спокойствием не меняюсь
На целый запад и восток.

Божественным устам приличен,
Монархиня, сей кроткий глас:
О коль достойно возвеличен
Сей день и тот блаженный час,
Когда от радостной премены
Петровы возвышали стены
До звезд плескание и клик!
Когда ты крест несла рукою
И на престол взвела с собою
Доброт твоих прекрасный лик!

Чтоб слову с оными сравняться,
Достаток силы нашей мал;
Но мы не можем удержаться
От пения твоих похвал.
Твои щедроты ободряют
Наш дух и к бегу устремляют,
Как в понт пловца способный ветр
Через яры волны порывает;
Он брег с весельем оставляет;
Летит корма меж водных недр.

Молчите, пламенные звуки,
И колебать престаньте свет;
Здесь в мире расширять науки
Изволила Елисавет.
Вы, наглы вихри, не дерзайте
Реветь, но кротко разглашайте
Прекрасны наши времена.
В безмолвии внимай, вселенна:
Се хочет лира восхищенна
Гласить велики имена.

Ужасный чудными делами
Зиждитель мира искони
Своими положил судьбами
Себя прославить в наши дни;
Послал в Россию Человека,
Каков неслыхан был от века.
Сквозь все препятства он вознес
Главу, победами венчанну,
Россию, грубостью погранну,
С собой возвысил до небес.

В полях кровавых Марс страшился,
Свой меч в Петровых зря руках,
И с трепетом Нептун чудился,
Взирая на российский флаг.
В стенах внезапно укрепленна
И зданиями окруженна,
Сомненная Нева рекла:
«Или я ныне позабылась
И с оного пути склонилась,
Которым прежде я текла?»

Тогда божественны науки
Через горы, реки и моря
В Россию простирали руки,

К сему монарху говоря:
«Мы с крайним тщанием готовы
Подать в российском роде новы
Чистейшего ума плоды».
Монарх к себе их призывает,
Уже Россия ожидает
Полезны видеть их труды.

Но ах, жестокая судьбина!
Бессмертия достойный муж,
Блаженства нашего причина,
К несносной скорби наших душ
Завистливым отторжен роком,
Нас в плаче погрузил глубоком!
Внушив рыданий наших слух,
Верьхи Парнасски восстенали,
И музы воплем провождали
В небесну дверь пресветлый дух.

В толикой праведной печали
Сомненный их смущался путь;
И токмо шествуя желали
На гроб и на дела взглянуть.
Но кроткая Екатерина,
Отрада по Петре едина,
Приемлет щедрой их рукой.
Ах, если б жизнь ее продлилась,
Давно б Секвана постыдилась
С своим искусством пред Невой!

Какая светлость окружает
В толикой горести Парнас?
О коль согласно там бряцает
Приятных струн сладчайший глас!
Все холмы покрывают лики;
В долинах раздаются клики:
Великая Петрова дочь
Щедроты отчи превышает,
Довольство муз усугубляет
И к счастью отвергает дверь.

Великой похвалы достоин,
Когда число своих побед
Сравнить сраженьям может воин
И в поле весь свой век живет;
Но ратники, ему подвластны,
Всегда хвалы его причастны,

И шум в полках со всех сторон
Звучащу славу заглушает,
И грому труб ее мешает
Плачевный побежденных стон.

Сия тебе единой слава,
Монархиня, принадлежит,
Пространная твоя держава
О как тебе благодарит!
Возри на горы превысоки,
Возри в поля свои широки,
Где Волга, Днепр, где Обь течет;
Богатство, в оных потаенно,
Наукой будет откровенно,
Что щедростью твоей цветет.

Толикое земель пространство
Когда всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия;
Но требует к тому Россия
Искусством утвержденных рук.
Сие злату очистит жилу;
Почувствуют и камни силу
Тобой восставленных наук.

Хотя всегдашними снегами
Покрыта северна страна,
Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;
Но бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напоет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.

Коль многи смертным неизвестны
Творит натура чудеса,
Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком

Поющих птиц не утрашал.
Широкое открыто поле,
Где музам путь свой простирать!
Твоей великодушной воле
Что можем за сие воздать?
Мы дар твой до небес прославим
И знак щедрот твоих поставим,
Где солнца восход и где Амур
В зеленых берегах крутится,
Желая паки возвратиться
В твою державу от Манжур.

Се мрачной вечности запону
Надежда отверзает нам!
Где нет ни правил, ни закону,
Премудрость тамо зиждет храм;
Невежество пред ней бледнеет.
Там влажный флота путь белеет,
И море тщится уступить:
Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы
Твои щедроты возвестить.

Там тьмою островов посеян,
Реке подобен Океан;
Небесной синевою одеян,
Павлина посрамляет вран.
Там тучи разных птиц летают,
Что пестротою превышают
Одежду нежных весны;
Питаясь в рощах ароматных
И плавая в струях приятных,
Не знают строгия зимы.

И се Минерва ударяет
В верхи Рифейски копием;
Сребро и золото истекает
Во всем наследии твоём.
Плутон в расселинах мятется,
Что россам в руки предается
Драгой его металл из пор,
Которой там натура скрыла;
От блеску дневного светила
Он мрачный отвращает взор.

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,

Каких зовёт от стран чужих,
О, ваши дни благословенны!
Держайте ныне ободренны
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов
Российская земля рождать.

Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
В счастливой жизни украшают,
В несчастной случай берегут;
В домашних трудностях утеха
И в дальних странствах не помеха.
Науки пользуют везде,
Среди народов и в пустыне,
В градском шуму и наедине,
В покое сладки и в труде.

Тебе, о милости источник,
О ангел мирных наших лет!
Всевышний на того помощник,
Кто гордостью своей дерзнет,
Завидя нашему покою,
Против тебя восстать войною;
Тебя зиждитель сохранит
Во всех путях беспреткновенну
И жизнь твою благословенну
С числом щедрот твоих сравнит.

Преложение псалма 143

Благословен господь мой Бог,
Мою десницу укрепивый
И персты в брани научивый
Сотреть врагов взнесенный рог.

Заступник и спаситель мой,
Покров, и милость, и отрада,
Надежда в брани и ограда,
Под власть мне дал народ святой.

О Боже, что есть человек?
Что ты ему себя являешь,
И так его ты почитаешь,
Которого толь краток век.

Он утро, вечер, ночь и день
Во тщетных помыслах проводит;
И так вся жизнь его проходит,
Подобно как пустая тень.

Склони, зиждитель, небеса,
Коснись горам, и воздымаются,
Да паки на земли явятся
Твои ужасны чудеса.

И молнией твоей блесни,
Рази от стран гремящих стрелы,
Рассыпь врагов твоих пределы,
Как бурей плевры разжени.

Меня объял чужой народ,
В пучине я погряз глубокой,
Ты с тверди длань простри высокой,
Спаси меня от многих вод.

Вещает ложь язык врагов,
Десница их сильна враждою,
Уста обильны суетою;
Скрывают в сердце злобный ков.

Но я, о Боже, возглашу
Тебе песнь нову повсечасно;
Я в десять струн тебе согласно
Псалмы и песни приношу.

Тебе, спасителю царей,
Что крепостью меня прославил,
От лютого меча избавил,
Что враг вознес рукой своей.

Избавь меня от хищных рук
И от чужих народов власти,
Их речь полна тщеты, напасти,
Рука их в нас наводит лук.

Подобно масличным древам
Сынов их лета процветают,
Одеждой дщери их блистают,
Как златом испещренный храм.

Пшеницы полны гумна их,
Несчетно овцы их плодятся,
На тучных пажитях хранятся
Стада в траве волов толстых.

Цела обширность крепких стен,
Везде столпами укрепленных,
Там вопля в стогнах нет стесненных,
Не знают скорбных там времён.

Счастлива жизнь моих врагов!
Но те светлее веселятся,
Ни бурь, ни громов не боятся,
Которым вышний сам покров.

Вторая половина 1743

Стихи, сочиненные на дороге в Петергоф

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен!
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

*Вечернее размышление
о Божием Величестве
при случае Великого
северного сияния*

Лице свое скрывает день;
Поля покрыла мрачна ночь;
Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь;
Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

Уста премудрых нам гласят:
Там разных множество светов;
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества.

Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там свой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!

О вы, которых быстрый зрак
Пронзает в книгу вечных прав,
Которым малый вещи знак
Являет естества устав,
Вам путь известен всех планет,—
Скажите, что нас так мятет?

Что зыблет ясный ночью луч?
Что тонкий пламень в твердь разит?
Как молния без грозных туч
Стремится от земли в зенит?

Как может быть, чтоб мерзлый пар
Среди зимы рождал пожар?

Там спорит жирна мгла с водой;
Иль солнечны лучи блещут,
Склонясь сквозь воздух к нам густой;
Иль тучных гор верхи горят;
Иль в море дуть престал зефир,
И гладки волны бьют в эфир.

Сомнений полон ваш ответ
О том, что окрест ближних мест.
Скажите ж, коль пространен свет?
И что малейших дале звезд?
Несведом тварей вам конец?
Скажите ж, коль велик творец?

1743

*Утреннее размышление
О Божием Величестве*

Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божие дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;
Чудясь ясным толь лучам,
Представь, каков зиждитель сам!

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;

Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна.
О коль пресветлая лампада
Тобою, боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

От мрачной ночи свободились
Поля, бугры, моря и лес
И взору нашему открылись,
Исполненны твоих чудес.
Там всякая взывает плоть:
Велик зиждитель наш господь!

Светило дневное блистает
Лишь только на поверхность тел;
Но взор твой в бездну проникает,
Не зная никаких предел.
От светлости твоих очей
Льет радость твари всей.

Творец! покрытому мне тьмою
Прости премудрости, лучи
И что угодно пред тобою
Всегда творити научи,
И, на твою взирая тварь,
Хвалить тебя, бессмертный царь.

1743 (?)

*Ода, выбранная из Иова.
Главы 38, 39, 40 и 41*

О ты, что в горести напрасно
На бога ропщешь, человек,
Внимай, коль в ревности ужасно
Он к Иову из тучи рек!
Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь град
блистая

И гласом громы прерывая,
Словами небо колебал
И так его на распрю звал:
Сбери свои все силы ныне,
Мужайся, стой и дай ответ.
Где был ты, как я в стройном чине
Прекрасный сей устроил свет;
Когда я твердь земли поставил
И сонм небесных сил прославил
Величество и власть мою?
Яви премудрость ты свою!

Где был ты, как передо мною
Бесчисленны тьмы новых звезд,
Моей возжженных вдруг рукою
В обширности безмерных мест,
Мое величество вещали;
Когда от солнца воссияли
Повсюду новые лучи,
Когда взошла луна в ночи?

Кто море удержал брегами
И бездне положил предел,
И ей свирепыми волнами
Стремиться дале не велел?
Покрытую пучину мглюю
Не я ли сильною рукою
Открыл и разогнал туман
И с суши сдвинул Океан?

Возмог ли ты хотя однажды
Велеть ранее утру быть,
И нивы в день томящей жажды
Дождем прохладным напоить,
Пловцу способный ветер направить,
Чтоб в пристани его поставить,
И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожных с ней сопхнуть?

Стремнинами путей ты разных
Прошел ли моря глубину?
И счел ли чуд многообразных
Стада, ходящие по дну?
Отверзлись ли перед тобою
Всегдашнею покрыты мглюю
Со страхом смертные врата?
Ты спер ли адовы уста?

Стесняя вихрем облак мрачный,
Ты солнце можешь ли закрыть,
И воздух огустить прозрачный,
И молнию в дожде родить,
И вдруг быстротекущим блеском
И гор сердца трясущим треском
Концы вселенной колебать
И смертным гнев свой возвещать?

Твоей ли хитростью взлетает
Орел, на высоту паря,
По ветру крила простирает
И смотрит в реки и моря?
От облак видит он высоких
В водах и в пропастях глубоких,
Что в пищу я ему послал.
Толь быстро око ты ли дал?

Возри в леса на бегемота,
Что мною сотворен с тобой;
Колючий терн его охота
Безвредно попирать ногой.
Как верви сплетены в нем жилы.
Отведай ты своей с ним силы!
В нем ребра как литая медь;
Кто может рог его сотреть?

Ты можешь ли Левиафана
На уде вытянуть на брег?
В самой середине Океана
Он быстрый простирает бег;
Светящимися чешуями
Покрыт, как медными щитами,
Копье, и меч, и молот твой
Считает за тростник гнилой.

Как жернов сердце он имеет,
И зубы страшный ряд серпов;
Кто руку в них вложить посмеет?
Всегда к сраженью он готов;
На острых камнях возлегает
И твердость оных презирает.
Для крепости великих сил
Считает их за мягкой ил.

Когда ко брани устремится,
То море, как котел, кипит,

Как печь, гортань его дымится,
В пучине след его горит;
Сверкают очи раздраженны,
Как уголь, в горниле раскаленный,
Всех сильных он страшит, гоня.
Кто может стать против меня?

Обширного громаду света
Когда устроить я хотел,
Просил ли твоего совета
Для множества толиких дел?
Как персть я взял в начале века,
Дабы создати человека,
Зачем тогда ты не сказал,
Чтоб вид иной тебе я дал?

Сие, о смертный, рассуждая,
Представь зиждителю власть,
Святую волю почитая,
Имей свою в терпении часть.
Он всё на пользу нашу строит,
Казнит кого или покоит.
В надежде тяготу сноси
И без роптания проси.

Между 1743 и началом 1751

*Я долго размышлял и долго
был в сомненье...*

Я долго размышлял и долго был в сомненье,
Что есть ли на землю от высоты смотренье;
Или по слепоте без ряду всё течет,
И промыслу с небес во всей вселенной нет.
Однако, посмотрев светил небесных стройность,
Земли, морей и рек доброту и пристойность,
Премину дней, ночей, явления луны,
Признал, что божеской мы силой созданы.

